

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Квантовая запутанность (перевод с английского). Часть 2

Секс с Шавонн был для меня совершенно другим опытом. С моей бывшей Алисой это было просто забота о биологических нуждах и стремлениях. Действие было почти беспристрастным. Его эффективность сделала его холодным.

В случае с Шавонн речь шла о любви и физическом влечении. Это было весело и ласково, но в то же время крайне желательно. Там, где тело Алисы было для меня просто отдушиной, тело Шавонн было храмом. И я поклонялся ему. Мы пробовали то, чего раньше никто из нас не делал. После той первой ночи и на следующее утро после нее я сказался больным, взяв отгул на следующий день, чтобы мы могли продолжать просто быть вместе. Наконец, к обеду мы скатились с постели.

— Сэм, я должна тебе кое-что сказать, — сказала Шавонн.

— Я уже знаю, — сказал я ей. — Я тоже тебя люблю.

Она просто начала улыбаться и сказала:

— Ну, тогда ладно.

Следующие несколько недель для нас обоих были райскими. Единственным препятствием для этого были случайные столкновения с моей бывшей женой или бывшим соседом Шавонн.

Она не позволяла мне говорить с ним о том, чего она ему была должна. Но я ей доверял, поэтому не стал затрагивать эту тему. С другой стороны, Алиса была назойливой. Она пыталась попасть в каждую комиссию, членом которой я был. Она даже прибегала к тому, чтобы заходить в дом без предупреждения и без приглашения.

— Как ты можешь быть с этим ребенком? — однажды спросила она меня в коридоре. — С точки зрения РАЗУМА она не может сравниться ни с тобой, ни со мной.

— Но в остальном она намного выше тебя, — отрезал я. — Кроме того, я ее люблю.

Вот и все. Алиса из-за этого так и не пришла в себя, она осталась стоять с открытым ртом. После того как мы, наконец, прорвались сквозь стену и начали заниматься сексом, у нас с Шавонн дела пошли еще лучше. Как будто все напряжение, которое нарастало между нами, исчезло. Больше не было необходимости в секретах или играх.

Если Шавонн хотела подойти ко мне и поцеловать, она просто делала это. И она делала это часто. Также она быстро дала мне знать, чтобы я отвечал взаимностью. Мы провели много времени в первые несколько волшебных недель, просто валяясь вместе. Также мы ходили в разные места, видели разное и делали кое-что из того, что оба делали и раньше, но просто хотели снова испытать вместе.

Одно из самого крутого, что мы сделали, — это купили автомобиль. Мы оба интересовались автомобилями с мощным двигателем. Мы купили старый Мустанг 5.0 девяностых и вместе начали его восстанавливать. Мы оба любили машины, но никто из нас никогда не работал с ними и ничего не знал о том, как их чинить. Мы могли учиться вместе. Это был проект, доставивший нам много удовольствия, а также сблизивший нас.

Большую часть работы с двигателем в конечном итоге выполняли опытные механики, но мы с Шавонн содрали достаточно кожи на костяшках пальцев, чтобы многому научиться.

Самое смешное во всем этом было то, что с Шавонн мы были больше похожи на супружескую пару, чем когда-либо с Алисой, даже когда мы были женаты. Нам нравилось быть вместе, и

мы любили друг друга. Каким бы нелогичным и эмоциональным это ни казалось, я знал, что люблю Шавонн. Я чувствовал себя глупо, говоря это, но не мог остановиться.

Алиса, конечно же, была в ярости. Она ожидала, что после развода я буду бить баклуши, злой и одинокий, и тогда, наконец, мы снова съедемся вместе. По ее мнению, то, что она сделала, было не так уж плохо. Большая часть науки посвящена разного рода экспериментам и изучению результатов этих экспериментов.

Вместо того чтобы понять, что результатом ее измены явилась потеря меня, Алиса изо всех сил строила планы как меня вернуть.

Конечно, моя любовь к кому-то еще никак в ее планы не входила. Она предположила, возможно, правильно, что, если бы не появилась Шавонн, у нас с ней, возможно, был бы шанс. Как я уже сказал, быть с Шавонн во многих отношениях было намного лучше и больше похоже на брак, чем когда-либо было у нас с Алисой.

Мы с Шавонн полностью отдавались друг другу. С Алисой мы просматривали наши общие рабочие графики и решали, когда будем заниматься сексом. С Шавонн же мы просто смотрели друг на друга, и это было все, что требовалось.

Я постоянно ходил по облакам. Мое новое эйфорическое состояние ума также помогало мне лучше сосредоточиться. Я опубликовал несколько статей, в которых критиковались или поддерживались опубликованные ранее работы нескольких других ученых. Публикация статей — это хороший способ для ученого стать известным и получать гранты и другое финансирование для своего учреждения, поэтому, естественно, что мое начальство тоже было довольно.

Шавонн также заставила меня немного подстричь мои непослушные волосы и перейти на очки, которые были немного менее занудными. Еще она слегка улучшила мой гардероб. Как только я перестал носить брюки-клевш, люди мной начали интересоваться. Меня стали приглашать выступать на научных собраниях или участвовать в форумах. Я отклонял большинство запросов, но меня продолжали приглашать. Как ни странно, мной стали интересоваться и женщины. Но это не имело значения, потому что у меня уже была та, которую я хотел.

Моя жизнь была именно такой, какой я хотел. Я был популярным преподавателем, уважаемым и востребованным ученым, и был влюблен в красивую молодую женщину, любившую меня в ответ. Дела шли слишком хорошо, пора было говну прилететь на вентилятор.

В течение нескольких дней Шавонн нервничала и была немного раздраженной. Она сказала мне, что записалась на прием к врачу, и что нам нужно кое о чем поговорить. Как типичный ученый, я подумал о другом, менее приземленном.

Группа китайских исследователей доказала, что существует предел скорости, которую может достичь фотон. Их исследование показало, что одиночный фотон не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света.

Это было чрезвычайно интересно, потому что означало, что некоторые концепции, с которыми мы работали каждый день, могли быть невозможны, в том числе ССП или сверхсветовые путешествия и, конечно, путешествия во времени. Я читал все подробности их исследования и намеревался опубликовать статью об их результатах. Так что, полагаю, я был немного озабочен этим и не очень внимательно относился к ситуации с Шавонн.

Исходя из моей предполагаемой мудрости, я был уверен, что дилемма Шавонн проистекает в основном из того факта, что она беспокоилась о том, как я отнесусь к новости о провале моего курса. Я был уверен, что она придет ко мне со слезами на глазах и беспокоясь о том, как будет выглядеть передо мной в таком свете.

На самом деле ей даже не нужно было думать об этом, потому что я любил ее безоглядно. Всю свою жизнь до встречи с Шавонн я судил обо всех исключительно по РАЗУМУ. Шавонн научила меня, что кое-что просто важнее. Понимала она это или нет, но Шавонн фактически была очень важным шагом в моем развитии.

Она была первым человеком, с которым я связался каким-либо образом просто потому, что хотел этого. Она также была первым человеком, к которому я ощутил какую-либо эмоциональную привязанность. Думаю, некоторые из моих сверстников были бы удивлены, обнаружив, что у меня вообще есть эмоции.

Так что, это было еще одним большим ударом как по моему эго, так и по моему предполагаемому РАЗУМУ — снова войти в мой дом и услышать голоса. На этот раз я не просто включился в ситуацию, видимо, я кое-что понял с первого раза.

Глядя из кухни, я увидел Шавонн и того самого ублюдка Грега Хоукса. Он склонил ее над моим гребаным диваном.

— Давай же, Шавонн, разве мы не можем сделать это в постели? — скулил он.

— Нет, — огрызнулась она. — Я ни за что не подпущу тебя к нашей кровати.

— Хорошо, тогда сними верх, чтобы я увидел эти громадные сиськи, — умолял он.

— Нет, это не входит в сделку, — сказала она.

— Ну, сука, хотя бы сними трусики. Просто отодвинуть их в сторону не получится. У меня получается хорошо входить, они мешают. — Послушай, я всего лишь выполняю свою часть сделки, — сказала она. — Просто сделай это, и мы закончим. Мне необходимо покончить с этим, чтобы я могла продолжить свою жизнь.

— А что насчет профессора? — спросил он. — Я же знаю, что он не может делать это так, как я.

— В этом ты прав, — сказала она, смеясь.

Всю свою жизнь я сопротивлялся представлению о ценности эмоциональных привязанностей. Увидев Шавонн с Хоуксом, я определенно доказал, что ошибался. Что касается Алисы, я был возмущен, но просто зол на то, что было нарушено нечто, что я считал правилами наших отношений.

Несмотря на то, что мы были женаты, я женился на Алисе потому, что это было логично. Это был холодный и мультяшно-карикатурный брак, которого, наверное, никогда не должно было случиться. Когда я ее застукал, то поскольку с моей стороны не было эмоциональной связи, не было и эмоциональной боли. Все было просто: она нарушила правила — брак распался.

В случае с Шавонн боль была мгновенной, и хотя она была эмоциональной, но причиняла не меньше боли чем физическая. Это было ужасно. Физически я словно заставлял себя дышать. Мне хотелось плакать как младенцу. Невозможно было спокойно обсуждать, кто что получил, как это было у меня с Алисой. Мне просто требовалось уйти.

Я как можно быстрее поднялся по лестнице и схватил все самое необходимое. Я собирался вернуться и уйти, а потом отправить электронное письмо Шавонн, из того места, куда бы я ни пошел, чтобы обдумать это.

Но когда я спустился по лестнице, они как раз выходили из гостиной.

— Ой, чёрт возьми, не надо опять, — сказал Грег. Он находился прямо на пути, по которому мне требовалось выбраться из дома.

— О, пожалуйста, нет! — воскликнула Шавонн.

Спокойствие и РАЗУМ с Грегом не сработали в первый раз, когда я его поймал, и на этот раз я был слишком зол, чтобы думать об этом.

— Убирайся с моего пути, неандерталец, — сказал я ему, пытаюсь протиснуться мимо него.

— Сначала ты забираешь у меня мою девушку, потом проваливаешь меня на гребаном курсе физики, а теперь еще и обзываешь меня, — сказал Грег.

И снова все, что потребовалось, — это один удар, и я оказался на спине. На этот раз я пришел в сознание намного быстрее. Когда я встал, Шавонн была на кухне и разговаривала сама с собой. Думаю, она хотела приложить лед к моему лицу.

— Пожалуйста, дай ему понять, пожалуйста, сделай так, чтобы с ним все было хорошо, — сказала она. — Я убью этого ублюдка Грега.

Пока она разговаривала сама с собой, я встал и вышел из дома.

Сначала я поехал к своей матери на другой конец города. Большую часть моей жизни мы с мамой не были очень близки. После смерти отца мы обнаружили, что у нас мало общего. Я все еще навещал ее и сообщал ей о важных событиях в моей жизни, а она делала то же самое, но, как я уже говорил, эмоциональные привязанности мало что значили для меня.

Мои мама и папа оставили мне семейный дом, через несколько лет после того, как я женился на Алисе. Им больше не требовались комнаты или заботы большого дома, и они переехали в квартиру.

На самом деле я никогда не рассказывал ей о Шавонн и не представлял их друг другу.

В ту первую ночь я остался у мамы и объяснил ей все, что произошло. Самым странным в этом было то, что, рассказывая ей о Шавонн, я понял, что моя мать понятия не имела, что я вообще развелся с Алисой.

Оказалось, что она с самого начала не слишком ценила Алису. Я попросил маму присмотреть за домом вместо меня и сказал, что меня не будет неопределенное время.

Для начала я уведомил колледж о том, что в моей семье возникла чрезвычайная ситуация, и какое-то время я буду отсутствовать. Время инцидента, конечно, было случайным, но так как курс только что закончился, в этом не было проблем.

Декан и начальник моего отдела были еще более счастливы, когда несколько недель спустя я сообщил им, что в ближайшее время не вернусь, так как решил принять приглашения на несколько выступлений. Я не уверен, что моя ситуация имела для них хоть какое-то значение.

По их мнению, наличие у одного из их профессоров публикаций серьезных научных статей, выступлений перед собраниями влиятельных людей и приглашений участвовать в исследовательских программах были гораздо большим плюсом для репутации университета, чем просто мое пребывание дома и преподавание.

Недели превратились в месяцы, которые быстро перетекали в годы, когда я был вдали от дома. Я получал открытки от Алисы, которая, естественно, была взволнована и довольна моим успехом в научном сообществе.

«Я всегда говорила, что ты — один из самых УМНЫХ людей, которых я знаю», — написала она. Внутренне я также знал, что одновременно она завидовала этому успеху и злилась на то, что ее не было со мной, чтобы разделить его, торговать им или приписать его каким-либо

образом своим собственным способностям.

Моя мама тоже часто пыталась мне позвонить или написать, но я был очень занят. Еще я получил несколько открыток от Шавонн. Я не знаю, как ей удалось разыскать меня, но после того, что я услышал от нее в тот роковой день, я не думал, что она обо мне очень высокого мнения.

То, как она смеялась, когда Грег спросил ее о моем сексуальном мастерстве, все еще меня жалило. Я знал, что меня никак нельзя считать каким-нибудь жеребцом, но я и правда верил, что она чувствовала ко мне то же самое, что и я к ней.

Хотя Шавонн не была по-настоящему УМНОЙ, она была довольно красивой и чрезвычайно сексуальной. Я понял, что должна быть причина, по которой она со мной связалась.

Через некоторое время я просто объяснил это тем, что ей было необходимо место для проживания и кто-то, кто поддерживал бы ее, пока она разбиралась со своим дерьмом. Я не ненавидел ее за то, что произошло, но мне очень хотелось, чтобы она была честна во всем. По крайней мере, так мы бы могли остаться друзьями.

Я предположил, что ее страх и потребность обманывать исходили от того, как с ней обращался Хоукс, когда она была с ним. Первые несколько недель она присылала мне много открыток и писем, которые я никогда не открывал и на которые не отвечал. Предполагаю, что она была достаточно умна, чтобы понять, что я их не читаю, потому что начала писать на конвертах короткие сообщения.

Она писала такие вещи, как: «Нам надо поговорить» или «Пожалуйста, вернись домой». Потом, через некоторое время это стало: «Ты мне нужен» или «Я скучаю по тебе». Однако ей не потребовалось много времени, чтобы заменить меня. Менее чем через год после того как я уехал, я заметил, что на одной из ее открыток было написано: «Мы надеемся, что ты будешь дома на Рождество».

Слово «мы» на самом причинило мне боль. Шавонн была моей первой настоящей любовью, и что-то в этой первой любви осталось со мной навсегда. Я всегда предполагал, что она найдет мне замену, и был удивлен, что она так долго этого не делала.

Но поскольку она нашла другого мужчину, который составил с ней «мы», это лишь подтвердило тот факт, что мне ни к чему спешить домой, еще более очевидным.

Я много выступал в Европе и стал довольно известным в научном сообществе. Также я внимательно посмотрел на себя и решил, что мне не нравится то, что я вижу. В одном из летних выездных семинаров, которые я посетил, я взял уроки тайцзи, разновидности ушу, потому что некоторые из участников хвалили его как систему упражнений, способствующих ясности ума.

Через несколько дней я подсел на него и начал изучать более агрессивные боевые искусства. Конечно, никогда не занимаясь спортом или физическими упражнениями, мне потребовалось время, чтобы стать умелым, но вскоре я преуспел в этом. Боевые искусства стали одной из моих страстей, и эта страсть повысила мою физическую форму и мою уверенность.

В итоге я нанял агента, которая планировала мои выступления и лекции. Также она представляла интересы несколько рок-звезд и спортсменов. Ее имя было Ким. Она сказала мне, что я — неотшлифованный алмаз, и если останусь с ней, она сделает меня знаменитым и богатым. За несколько недель до моего первого появления на телевидении, в документальном

сериале по теории струн, она сменила мне образ. Мои длинные растрепанные волосы были коротко подстрижены и очень стильно уложены. Кроме того, стрижку было очень легко обслуживать. Я мог буквально встать с постели и отлично выглядеть.

Она полностью поменяла мой гардероб. Она одела меня в более модные костюмы и их отдельные элементы. Это отвлекло меня от этого душного вида ученого восемнадцатого века. Наконец, она вообще отказалась от моих очков в пользу контактных линз, которые, по ее словам, подчеркивали, насколько хороши мои глаза.

Она, должно быть, знала, о чем говорит, потому что следующее, что я понял, — я участвую в гораздо большем количестве телешоу, и мне даже предложили собственное. Также ко мне подкатывало много женщин.

Я никогда не был троглодитом или отталкивающим человеком, были случайные ученицы, которые тут или там влюблялись в меня, но это никогда не было серьезным. Толпы женщин приходили послушать, как я говорю, и всевозможные девушки-ботаники писали мне электронные письма и клялись вечно любить меня.

На протяжении многих лет я часто ловил себя на мысли о Шавонн. Больше всего я сожалел о том, что так и не поговорил с ней, после того как застучал. Там все еще были нерешенные чувства и проблемы, с которыми когда-нибудь я справлюсь, как, я был уверен, и она.

Самым забавным было то, что я все еще работал в университете. Каждое выступление, телешоу или статья, которую я писал, были рекламой колледжа. Меня всегда указывали как доктора Сэмюэля Т. Стэнфорда, доктора философии, профессора теоретической физики из Бозен Схоластик Университи. Иногда я даже носил футболку с надписью БС.

Несколько раз на протяжении многих лет я разговаривал с деканом, и он утверждал, что мой статус знаменитости на самом деле увеличил количество учащихся и пожертвований, поэтому все были чрезвычайно счастливы выплачивать мою зарплату и даже несколько раз повысили меня за время моего отсутствия.

Было очень странно, когда однажды в разговоре с деканом по телефону, он попросил меня вернуться домой и занять его должность декана физического факультета. Да, я всегда хотел получить эту должность, но уходящий декан и мой бывший начальник был моим другом. Услышав, что он уходит на пенсию после долгой болезни, я понял, как долго меня не было.

Все то, от чего я скрывался, вероятно, разрешилось само собой. Я был старше и искренне верил в мудрость. Я определенно стал другим человеком, чем тот, кто сбежал из колледжа и от Шавонн немногим более девяти лет назад.

Во-первых, я несколько раз ходил к своему старому наставнику, профессору Гарри в Вирджинском университете, и тот опять попытался научить меня некоторым вещам. Думаю, некоторые из них я понял. Но применить их было не так просто, как квантовую физику.

Теории Гарри о РАЗУМЕ на самом деле напугали меня до усрачки. Однажды Гарри шокировал меня, когда я оскорбил РАЗУМ некоторых ученых, которым только что прочитал лекцию.

— Этих парней к черту даже не стоит называть учеными, — сказал я. Да, за последние девять лет я начал использовать чертовски много ненормативной лексики. — Они едва ли достаточно хороши, чтобы быть инженерами, — взывал я.

— Ой, могло быть и хуже, — саркастически сказал Гарри. Гарри всегда чертовски саркастичен, даже в свои лучшие дни. Меня буквально до смерти пугает, когда ему что-то

нравится.

— Они могли бы быть автомеханиками, — нараспев произнес он. — Тогда бы они были абсолютными идиотами, верно?

— Верно, — сказал я, несколько раз кивнув головой.

— Сэм, а к кому ты идешь, если с твоим «Мустангом» что-то не так? — спросил он.

— Я сдаю его в ремонт, Гарри, — сказал я.

— А почему бы тебе самому его не починить? — спросил он.

— Черт, я не очень разбираюсь в ремонте машин, Гарри, — ответил я.

— Полагаю тогда, — начал он, — что в каком-то смысле автомеханики умнее тебя, верно?

— Ну... — начал я.

— Разве ты не сказал, что механики — абсолютные идиоты? — спросил он.

— Но... — возразил я.

— Так что, если механики знают больше чем ты, и они — идиоты, разве это не делает идиотом тебя? — спросил он.

— Но они знают больше меня только в одной ограниченной теме, — выплюнул я.

— Сэм, а сколько машин, по-твоему, существует на планете? — спросил он.

— Миллионы, может быть, и больше, — сказал я, понимая, что моя оценка была очень заниженной.

— По крайней мере, миллионам людей нужны механики, — сказал он. — Теперь, сколько людей на планете, по твоему мнению, интересуются квантовой физикой?

— Наверное, не очень много, — сказал я.

— Так, что там с точки зрения ценности для человечества или общества? — сказал он. — Что на самом деле нужно миру больше: профессор какой-то эзотерической науки, которая для большей части мира может быть с таким же успехом вуду, или хороший механик?

Прежде чем я успел ответить, он снова прервал меня.

— Я думаю, что ошибался, — сказал он. — Мне не следовало использовать вуду. О вуду знает больше людей на планете, чем о теории струн. Так что, на самом деле на Земле больше людей, которым нужен хороший знахарь, чем тех, кому нужны профессора квантовой физики.

— Ты очень умный, Сэм, — сказал он. — Но проблема в том, что твой РАЗУМ применим только в очень узкой и необязательной области. У тебя есть совершенно глупый способ оценивать и сортировать РАЗУМ. Это — как гонщик, оценивающий тракторы. Он не будет очень впечатлен их ускорением или их скоростью, потому что его шкала оценки транспортных средств сильно искажена.

Гарри дал мне, о чем подумать. Я связался с Ким и объяснил ей новую ситуацию. Мне пора было домой.

Менее чем через две недели я приехал в город, и рев выхлопной системы моего нового Мустанга Босс 302 предупредил маленький сонный городок о том, что я вернулся.

После долгой пыльной поездки я решил заехать в городское кафе Слипи Джойс. Несколько дней назад я позвонил маме и узнал, что мой дом занят. Я не мог поверить, что она сдала мой дом в аренду. Мне, наверное, придется остаться с ней, пока они не уберутся оттуда.

Припарковав машину возле кафе, я заметил, что она уже привлекала внимание. Также я заметил очень симпатичный старый Мустанг, припаркованный в нескольких местах от меня.

Он был похож на тот, над которым работали мы с Шавонн.

Я вошел в кафе и сел за столик. Официантка, которая меня обслуживала, взглянула на меня, и у нее в голове начали крутиться колеса.

— Я откуда-то тебя знаю, — сказала она.

— Меню, пожалуйста, — бодро ответил я.

С другой стороны зала кафе девочка, которой, казалось, было восемь или девять лет, сняла с носа очки и посмотрела на меня. За исключением гигантских очков, она была хорошенькой, но не это заставило меня обратить на нее внимание. Она читала последний номер журнала Америкэн Сайнтифик. На обложке была моя фотография. Ты не понимаешь результатов анализа ДНК, поэтому я пыталась сказать тебе, что ты просто недостаточно умен, чтобы быть моим отцом.

— Это всего лишь ложь твоей матери, — отрезал Хоукс. — А теперь заткнись, прежде чем я научу тебя манерам. Тут разговаривают взрослые.

— Как ты можешь научить меня тому, чего у тебя нет? — спросила девочка.

Хоукс сердито повернулся к ней и поднял руку.

— Грег, оставь девочку в покое, — сказал я.

— С какого хрена ты знаешь мое имя? — усмехнулся он. Я понял, что он меня не узнал.

Прошедшие девять лет не были добры к Грегу. Он все еще был большим, но вместо мускулов в основном у него был жир. Он был слабее, медленнее и менее уравновешен, но до сих пор не поумнел.

Он размахнулся ударить меня, как в первые несколько раз. Думаю, помимо того, что я стал сильнее и крепче, девять лет занятий боевыми искусствами изменили мои рефлексы, потому что большой маховый удар Грега, казалось, происходил в замедленном темпе. Мне было почти скучно ждать его.

Я заблокировал неуклюжий удар и схватил его за запястье. Я вывернул его руку так, чтобы его ладонь и внутренняя часть его локтя оказались обращены вверх. Затем сунул руку ему под локоть, заставив сустав болезненно хрустнуть. Я не стал делать это слишком сильно, чтобы сломать его, но его локоть был вывихнут.

Затем я закинул ногу ему за колено и ударил ладонью по его груди чуть ниже шеи. И снова проявил милосердие: тот же удар на пару сантиметров выше, в его горло мог бы быть смертельным.

Тяжелая верхняя часть тела Грега, откинувшись назад, чему способствовала подпорка из моей ноги за его колено, отбросила его. Его голова ударилась о стол. Грег был нокаутирован еще до того, как упал на землю.

Несколько человек подошли к столу, недоумевая, что случилось.

— Мой папа нокаутировал Грега, — сказала девочка. И тут я понял, что девочка, вероятно, не читала журнал, она явно сошла с ума.

— Я все видел, — сказал один мужчина. — Грег пытался ударить этого парня, и ему надрали задницу.

— Разве вы — не профессор Стэнфордского университета? — спросил кто-то другой.

Я решил, что сейчас хорошее время, чтобы отправиться в дом моей мамы, и ушел.

Я подъехал к дому мамы и посмотрел на то, что изменилось за те годы, что я отсутствовал. С тех пор как я уехал, появилось много новых предприятий и даже несколько новых домов.

Самым странным для меня было то, что меня никто не узнавал. Официантка в кафе, не знающая меня, была немного смешной. Я много раз ходил в это кафе и с Алисой, и с Шавонн. Этот идиот Грег Хоукс, не узнавший меня, был действительно хорош. Я не мог понять, как это я так легко его сбил?

Одно из того, что выделялось, была эта чокнутая маленькая девочка. Она меня до чертиков запутала. Во-первых, она показалась мне на самом деле знакомой. Было просто странно находиться рядом с ней. Хоукс сказал, что она — его дочь. Она же утверждала, что это не так. И она назвала меня своим папой.

Я знал, что дети иногда живут в фантастическом мире. Когда дела в их жизни идут не так, как они ожидают или хотят, они придумывают свое. Эта маленькая девочка действительно казалась очень умной для своего возраста. Возможно, ей было стыдно за Грега из-за того, что он не был таким умным, как бы ей хотелось, поэтому она выдумала, кем хотела видеть своего отца.

Я не был настолько высокомерен, чтобы поверить в то, что являюсь отцом в мечтах какой-то маленькой девочки, но я был легкой добычей. Известный ученый, который, якобы, был из ее города. Может быть, она так часто думала об этом, что когда я и впрямь появился, она просто спятила?

Я вышел из машины и, прежде чем ступил на крыльцо, мне открыла дверь мама.

— Сэм, ты отлично выглядишь! — сказала она. — Боже мой, я не могу в это поверить. Ты выглядишь как кинозвезда.

— Мама, я постригся, немного потренировался и обзавелся связями, — сказал я. — Я — все тот же, кого ты воспитала. Тот, кому никогда не хватало ума, чтобы поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала в моей жизни.

— Сэм, что ты сказал? — спросила она.

— Я сказал, что был слишком глуп, чтобы оценить, насколько велика твоя работа, как моей матери, — сказал я ей.

Она прошла через комнату и пощупала мой лоб.

— Сэм, с тобой все в порядке? — улыбаясь, спросила она. — Я впервые слышу, как ты даже намекаешь на то, что можешь знать не все. Также — это первый раз, когда ты когда-либо благодарил кого-либо за что-либо.

— Мама, мне очень жаль, что я раньше был таким, — сказал я. — Думаю, я был слишком увлечен наукой, чтобы оценивать реальность. Я был настолько занят теоретической жизнью, что никогда не смотрел на людей вокруг меня. Думаю, можно сказать, что я немного вырос.

— Так ты виделся с Шавонн? — спросила она. — Что ты думаешь о Саманте?

— Мама, я не видел ни Шавонн, ни Алису. И у меня для этого нет причин. Они обе ушли в свою жизнь, и я тоже. Я должен найти способ выполнять свою работу для университета и при этом оставаться в графике моих конференций и встреч. Я почти уверен, что мои новые обязанности означают, что у меня не будет много времени для общественной жизни. Да и в любом случае, если бы я захотел иметь таковую, зачем мне возвращаться к тем, что уже предали меня? Есть много новых женщин, которые заслуживают своего шанса обосрать меня, тебе не кажется?

— Сэм, я не настолько умна как ты, когда дело касается науки, но я знаю людей, и Ша... — начала она, но когда я посмотрел на нее, она замолчала и кивнула.

— Мама, я вернусь позже, — сказал я. — Может быть, смогу пригласить тебя на ужин. Я найду

в университет и устраюсь на новую работу.

После чего я поехал в университет. Когда я заехал на парковку факультета возле нового корпуса физики, меня остановила охрана.

Когда я сказал им, кто я такой, и показал свое удостоверение личности, они испугались.

— Вы — Сэм Стэнфорд? — спросил один охранник.

— Ага, — сказал я.

— В смысле, доктор Сэмюэл Стэнфорд, доктор философии? — спросил он. — Человек, в честь которого названо это здание?

— Из телешоу и всей этой яйцеголовой чепухи? — бросил другой охранник.

— Думаю да, — ответил я.

Первый охранник вынул свой телефон и наклонился так, чтобы его лицо оказалось рядом с моим. Другой охранник сфотографировал нас. Потом они поменялись местами.

— Хорошая машина, доктор Стэнфорд, — сказал первый охранник, открывая ворота, чтобы я, наконец, мог въехать.

После еще нескольких столкновений с различными сотрудниками и студентами я, наконец, добрался до офиса физического факультета. Я тихонько открыл дверь и вошел навстречу гнусавому голосу, отчитывавшему пару человек. Посмотрев, я увидел невысокую толстую женщину, тычущую пальцем и кричащую на трех других людей.

— Мы здесь так не поступаем. В качестве заместителя декана по физике, я собираюсь внести много изменений, так что, либо вы делаете все согласно программе, либо вылетаете за дверь, — кричала она. Двое молодых людей были явно напуганы ею. Когда они увидели меня, их глаза еще больше расширились.

— Каковы же это будут изменения, Алиса? — спросил я.

Она повернулась и чуть не упала. Ее глаза бросили на меня взгляд, и сначала она меня не узнала. Затем ее осенило, и она расплылась в улыбке.

— Я считал, что все решения относительно физического факультета и его программы принимаются мной, — сказал я. Я прошел мимо Алисы и протянул руку людям, которых она ругала.

— Я прочитал ваше досье, вы — Хирам Дэниелс, не так ли? — спросил я. — Мне нравится ваш подход к обучению принципам звука без каких-либо сложных вычислений. Мы поговорим, и я хотел бы получить ваш совет по некоторым вещам, которые хотел бы сделать, чтобы представить некоторые другие теории. То, что вы делаете, великолепно. Вы привлекаете и поддерживаете много молодых умов, которые в противном случае смылись бы отсюда. Нам нужно больше инновационных людей, таких как вы, или наука вымрет. — Он улыбнулся и кивнул головой.

— Венди Хиллиард, верно? — спросил я. — На ваших курсах «Введение в физику» наибольшее количество студентов переходит на более высокие уровни физических курсов, чем где-либо в штате. Отличная работа, и если вам что-то нужно, не стесняйтесь спрашивать.

— Я пожал ей руку, а она, казалось, не решалась отпустить мою.

— Я не могу в это поверить, — сказал я. — Так ты — Ден Спрингер, я сам учил тебя основам физики, а теперь ты — профессор? Я старею.

— Алиса, я хотел бы поговорить с тобой в моем офисе, где бы он ни был, — резко сказал я.

Мы прошли по коридору, и она все время смотрела на меня. Когда мы вошли в офис, и дверь была закрыта, она начала.

— Сэм, милый, я так рада, что ты вернулся, — запела она. — Ты прекрасно выглядишь; я была такой дурой, что позволила тебе уйти. Теперь, когда мы снова будем работать вместе, я надеюсь...

— Алиса, — сказал я. — Кто сделал тебя заместителем декана? Из моего разговора с деканом Мартином и советом директоров у меня сложилось впечатление, что именно я набираю себе персонал.

— Ну, я... — снова начала она.

— Прошлое закончилось, Алиса. Я ничего не имею против тебя. Все, что было между нами, стало древней историей, но в то же время ты не получишь от меня никаких поблажек. Я сам выберу себе заместителя, и им будешь не ты. Кроме того, у тебя достаточно собственных проблем, не так ли?

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Я посмотрел расписание занятий, — начал я. — Ты ничего не преподаешь на регулярной основе, у тебя нет грантов на исследования, ты не работаешь, и не работала более пяти лет ни над какими проектами, и ты никогда ничего не публиковала. Какого черта ты здесь делаешь, чтобы оправдать свой оклад?

Она выглядела шокированной.

— Я эмм... я помогаю с... — сказала она. Я знал, что она торговала тем, что была моей бывшей женой, но теперь ей приходилось пожинать плоды собственных решений.

— Алиса, на следующей неделе я сяду вместе со всем персоналом. Я, вероятно, назначу заместителя и несколько помощников по административным вопросам. Также я изучу список сотрудников и посмотрю, кто что делает. В то же время я внесу несколько изменений и назначу несколько надбавок в качестве премии за хорошую работу. Я также буду понижать в должности и позволю нескольким людям уйти на пенсию, если это будет необходимо.

Пожалуйста, выясни к этому времени, что ты собираешься делать, — сказал я.

— Не хочешь поужинать со мной? — улыбаясь, спросила она.

— Нет, Алиса, не хочу, — сказал я с такой же улыбкой.

— Сэм, ты с кем-нибудь встречаешься? — спросила она.

— Не твое дело, Алиса, — сказал я. — Твое дело — позаботиться о том, чтобы не вылететь на пенсию в ближайшее время.

— Ты же не заставишь меня... ? — спросила она.

— Пожалуй, заставлю, — сказал я.

— Но разве ты не хочешь, чтобы мы снова были вместе? В интеллектуальном плане здесь нет никого, кто был бы близок тебе. Я была так рада, когда ты бросил ту маленькую корову, что переехала в мой дом, что прыгала от радости, — рассмеялась она. — Ты вернулся домой — для нас это здорово.

— Алиса, я не хочу, никаких «нас», — сказал я. — «Нас» нет, и это — не твой дом. «Нас» больше никогда не будет. Ты выбросила «нас», когда изменила мне по собственной прихоти. Ты не искала РАЗУМА в парне, которого трахала, так что, не используй его как ориентир для людей, с которыми я общаюсь. Серьезно, ты должна просто радоваться, что я не из тех, кому нужна месть.

Она ушла очень рассерженная, хлопнув дверью при выходе.